

ПРИВОЙ ВОЛНЪ.

Какъ я видѣлъ Л. Н. Толстого.

Воспоминанія Скитальца (С. Петрова*).

II.

Я нашелъ себѣ комнату въ Коренизѣ, у татарскаго муллы. Домикъ его, стоявшій на полугорѣ, ближе къ верхнему шоссе, чѣмъ къ морю, былъ въ два этажа, обычной восточной архитектуры; внизу жилъ мулла со своей семьей, а верхъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ комнатъ съ общей длинной террасой, покрашенной въ синюю краску, приспособленъ былъ для сдачи „подъ прѣзжихъ“. Но въ началѣ мая прѣзжихъ въ Коренизѣ было еще мало и я былъ единственнымъ обитателемъ верхняго этажа. Жилъ въ полномъ одиночествѣ и наслаждался этимъ одиночествомъ.

Съ террасы открывался великолѣпный видъ на море. Кругомъ цвѣли розы. Крымская весна была въ полномъ разгарѣ. Было такъ много солнца, воздуха и зелени, что каждый день казался торжественнымъ праздникомъ. Каждое утро, напившись чаю, я отправлялся на берегъ моря купаться. Потомъ нѣкоторое время гулялъ по берегу и цѣлыми часами сидѣлъ на скалѣ, созерцая море: это занятіе мнѣ особенно нравилось. Возвращался я только къ обѣду, который приносилъ мнѣ на-домъ непріятный господинъ нахальнаго вида, приставленный ко мнѣ вѣмъ слѣдуетъ для наблюденія за моимъ поведеніемъ. Но поведенія у меня

не было никакого. знакомствъ — никакихъ. По вечерамъ приходилъ ко мнѣ только мулла — послушать мою игру на гусляхъ. Это былъ еще молодой, видный изъ себя мужчина, красавецъ съ черной окладистой бородой, въ бѣлой чалмѣ и длинной олождѣ духовнаго лица, важный и невольно-молчаливый, такъ какъ почти не зналъ русскаго языка, а я совсѣмъ не зналъ татарскаго. Тѣмъ не менѣе мы все таки бесѣдовали и отлично понимали другъ друга. Каждый вечеръ, какъ только темнѣло, онъ приходилъ ко мнѣ послѣ вечерней молитвы прямо изъ мечети, привѣтствовалъ меня по-русски, важно садился напротивъ и долго и созерцательно слушалъ нѣжные звуки гусель до тѣхъ поръ, пока я не прекращалъ игру. Затѣмъ, поговоривъ немного на разныхъ языкахъ, мы дружелюбно разставались до слѣдующаго вечера.

Такъ и проходило мое время день за днемъ. Я благословлялъ свою судьбу за то, что я не знаменитъ и не обязанъ принимать много гостей, какъ Горькій или Толстой.

Охота видѣть Толстого у меня послѣ неудачи совершенно прошла, какъ-то самая мысль объ этомъ ни разу не приходила въ голову.

Его постоянный врачъ Никитинъ частенько заходилъ ко мнѣ, чтобъ идти вмѣстѣ купаться, и приносилъ мнѣ свѣжія книжки журналовъ. Мало по малу мы подружились съ этимъ чрезвы-

чайно симпатичнымъ юношей, какимъ онъ тогда былъ. Онъ казался студентомъ, только что окончившимъ курсъ.

Прочитанныя книги я ему относилъ самъ, такъ какъ въ графскомъ замкѣ у него была премиленъкая крохотная комнатка съ отдѣльнымъ ходомъ, въ которую можно было заходить, не встрѣчаясь ни съ прислугой, ни съ членами семьи графа. Поэтому я ходилъ къ нему съ такимъ-же легкимъ сердцемъ, какъ и онъ ко мнѣ.

Въ одно ярко-солнечное, золотистое утро мы съ нимъ сидѣли въ его каморкѣ и весело о чемъ-то разсуждали. Потомъ онъ вышелъ взять книги для передачи мнѣ. Черезъ минуту онъ возвратился и сказалъ, улыбаясь:

— Левъ Николаевичъ зоветъ васъ; идите!

Я испугался.

Посмотрѣвъ на Великаго Льва изъ-за чужихъ спинъ, не вступая съ нимъ въ разговоръ, я желалъ когда-то, но теперь идти къ нему самостоятельно и, слѣдовательно, разговаривать — было страшно.

— Зоветь?зачѣмъ? кто ему сказалъ, что я здѣсь?

— Я сказалъ. Ну, онъ и проситъ васъ пройти къ нему на террасу; говорить, что давно желалъ съ вами познакомиться...

— А однако въ прошлый разъ...

— Въ прошлый разъ отъ него утаили ваше посѣщеніе... не сказали ему...

*) Окончаніе см. прилож. къ № 122.

онъ былъ еще слабъ, а теперь ничего... Пойдемте, я васъ къ нему проведу.

Долго разсуждать было некогда. Никитинъ взялъ меня подъ руку и потащилъ въ знакомый уже мнѣ залъ, затѣмъ въ смежную комнату, откуда въ раскрытое окно видѣлась залитая солнцемъ и обвита зеленую большую терраса, выходившая въ садъ.

— Дверь закрыта во избѣжаніе сквозняка; лѣзьте въ окно! — командовалъ врачъ.

Я полѣзъ въ окно.

Толстой лежалъ въ передвижномъ креслѣ-колясочкѣ, въ той позѣ, какъ онъ снятъ въ этомъ видѣ на портретахъ того времени: покоящаяся на подушкѣ сѣдая голова съ проникновеннымъ сурово-добрымъ взглядомъ изъ-подъ густыхъ бровей и безсильно-лежащая поверхъ одѣяла изможденныя стариковскія руки. Я замѣтилъ, что руки эти были небольшія, узкія, съ длинными пальцами, „аристократическія“ — мелькнуло у меня.

И лицо его, изможденное отъ болѣзни и старости, выражало доброту и величавость. Вдругъ я почувствовалъ себя маленькимъ-маленькимъ пятилѣтнимъ мальчикомъ, на глазахъ почему-то навернулись слезы и мнѣ захотѣлось припасть къ его рукѣ, поцѣловать ее и сказать: „дѣдушка! милый дѣдушка!“

Онъ подалъ мнѣ эту руку, сухую, морщинистую, стариковскую и сказалъ

Праздникъ „бѣлаго цвѣтка“ въ Томскѣ.

Шествіе по Почтамтской улицѣ.

слабымъ, болѣзненнымъ уже, старческимъ голосомъ:

— Здравствуйте. Садитесь вотъ тутъ, около меня. Такъ вотъ какой вы молодой! Ну, читалъ вашу книгу. Хорошо, очень хорошо. Вотъ это, гдѣ тамъ у васъ мужики въ кабакѣ рукавицами хлопаютъ—это хорошо!

И Толстой заговорилъ о мужикахъ.

Странно говорилъ онъ о нихъ.

Онъ говорилъ о нихъ съ такой любовью, какъ будто бы они были муравьями и ползли у него на ладони, а онъ разсматривалъ ихъ, слѣдалъ за ихъ работой, бѣготней, какъ они двигаютъ головками, шевелятъ усиками, думаютъ, строятъ что-то, радовался и какъ-бы приговаривалъ: „я ихъ очень люблю! посмотрите, какіе они умные, какіе хорошіе, какъ правильна ихъ жизнь!“

Праздникъ „бѣлаго цвѣтка“ въ Томскѣ.

Сборный пунктъ возлѣ Городского Сада.

вотъ такъ и нужно жить, какъ они^а!

Казалось, онъ не замѣчалъ, что смотритъ на нихъ свысока. Всю жизнь свою, стремясь умалиться и опроститься, Гулливеръ, вѣроятно, на весь человѣчскій родъ не могъ смотрѣть иначе, какъ съ высоты своего роста. Можетъ быть, этотъ досадный ростъ былъ даже мученіемъ и несчастіемъ его жизни; печи клалъ, и землю пахалъ, а муравьемъ при всемъ желаніи такъ и не смогъ сдѣлаться. Насколько же легче и проще муравью быть муравьемъ! Какое титаническое терпѣніе нужно было имѣть исполину, чтобы

я, изъ какого села, есть-ли въ этомъ селѣ сектанты, и почему я оставилъ землю? Мужика онъ непоколебимо представлялъ себѣ только пашущимъ землю и хлопающимъ въ рукавицы. О томъ же, что мужики давно уже хотятъ быть не только мужиками, но еще и людьми, что имъ осточертѣло быть трудолюбивыми муравьями, божьими пчелками, т. е. работать на кого-то неработающаго и тысячу лѣтъ попусту хлопать въ рукавицы, что тамъ, въ миллионномъ ихъ ульѣ, происходитъ какое-то необычное движеніе, которое и тогда уже чувствовалось и скоро потомъ разрѣшилось величайшимъ потрясеніемъ—объ этомъ Толстой какъ будто не то, что не зналъ, но былъ твердо убѣжденъ, что ничему этому быть не слѣдуетъ.

Я не берусь теперь рѣшать, правъ или не правъ былъ Толстой, и не ручаюсь даже, вѣрно-ли я его понялъ въ краткой, торопливой бесѣдѣ этой, происходившей восемь лѣтъ назадъ, тѣмъ болѣе, что я умышленно ни о чемъ его не спрашивалъ и ни на что не возражалъ, желая какъ можно болѣе услышать отъ него. Но у меня на всю жизнь осталось впечатлѣніе отъ Толстого, какъ отъ говорящей горы, не сознающей своихъ размѣровъ. „Безмѣрный“—сказалъ кто-то о Толстомъ, и это слово удивительно опредѣляетъ его во всѣхъ отношеніяхъ: безмѣрный, огромный, не знавшій нашихъ ладипутскихъ мѣръ и границъ, свысока смотрящій даже въ смиреніи своемъ, трижды аристократъ, въ благородномъ, широкомъ и древнемъ смыслѣ этого слова.

Казалось мнѣ, что и меня онъ тоже, чтобы лучше слышать и видѣть— бережно, осторожно посадилъ на ладонь и—чтобы я не пугался—похвалилъ мою маленькую книжечку, словно внученка по головкѣ погладилъ, вѣдя, какъ онъ пресерьезно выводилъ свои первыя смѣлиныя каракули. Обильный золотой свѣтъ торжественнаго солнца, пробиваясь сквозь густую зелень свѣжихъ весеннихъ листьевъ, обвивавшихъ террасу, нѣжными лучами освѣщавъ его львиную голову и замѣчательныя руки. Онъ былъ до головы закрытъ толстымъ широкимъ пледомъ, и мнѣ казалось, что я разговариваю съ необычайной сказочной головой, возвышающейся „превыше всѣхъ церквей“... да оно такъ и было. Слушая его отеческія наставленія, которыя онъ говорилъ благосклоннымъ голо-

наблюдать этихъ крохотныхъ созданий, по виду ничѣмъ не отличающихся одно отъ другого, проникнуть въ ихъ душу, разгадать ихъ психологію! Мнѣ показалось даже, что отъ Толстого такъ и ускользнуло въ мужикѣ что-то самое главное, самое интересное, что ему хотѣлось разсмотрѣть, но такъ и не довелось. Мнѣ подумалось, что мужики все-таки лучше знаютъ другъ друга, чѣмъ знаетъ ихъ Толстой. Я удивился, какъ онъ не можетъ знать о нихъ чего-то самаго простаго, обыкновеннаго, общечеловѣческаго, что знаютъ всѣ обыкновенные люди. Казалось, что Толстой не видалъ мужиковъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ сорокъ и уже неизвѣстно ему, о чемъ они теперь думаютъ.

Онъ спросилъ меня, крестьянинъ-ли

сомъ, я смотрѣлъ на его умное, величавое лицо съ большимъ лбомъ и сѣдою бородой, съ добрыми, хитрыми морщинками около глубокихъ глазъ и пересталъ бояться его. Напрасно говорятъ о его „пронзительныхъ“ глазахъ: они на этотъ разъ были только „проникновенными“, отъ которыхъ, пожалуй, нельзя прятать мыслей—и очень добрыми. Возможно, что въ иные моменты эти глаза могли быть невыносимыми для смертныхъ, какъ глаза Моисея, говорившаго съ Богомъ: несомнѣнно, что и Толстой говорилъ съ Нимъ.

„Хитрый ты, хитрый дѣдушка!“ думалъ я: „учишь „непротивленію“, а между тѣмъ на самомъ-то дѣлѣ самъ-

то ты всегда такъ „противился“, какъ никто!“

Не знаю, прочелъ-ли онъ во мнѣ эти мысли, но какъ разъ въ этотъ моментъ пристально посмотрѣлъ на меня и чуть-чуть улыбнулся.

На прощанье Толстой подарилъ мнѣ свой хорошій портретъ, подъ которымъ при мнѣ же съ трудомъ написалъ дрожащей отъ слабости рукой ласковую надпись.

И какъ же я плакалъ потомъ, возвратившись въ „родныя мѣста“ подъ гласный надзоръ, когда жандармы отобрали у меня дѣдушкинъ подарокъ.

Скиталецъ (С. Петровъ).

Приготовленіе къ празднику „бѣлаго цвѣтка“ въ Психіатрической лѣчебницѣ.

Бурлаки.

Жарко. Солнце печетъ и прохлада рѣки
Ужъ не въ силахъ смягчить его зноя;
Вотъ вдали у рѣки, подъ кустомъ бурлаки
Нашли мѣсто себѣ для покоя.

* * *

Передъ ними костеръ. А надъ нимъ въ котелкѣ
Вѣрно пища для полдня варится,
Но бѣдняги, совсѣмъ позабывъ о ѣдѣ,
Спѣшатъ сномъ поскорѣй подкрѣпиться.

* * *

Ихъ тяжелъ, утомителенъ трудъ;
И согнувшись, подъ лямкой вздыхая,
Они въ кровь себѣ спины и ноги сотрутъ,
По горячему берегу ступая.

* * *

А потомъ, при расчетѣ, ихъ купчикъ нагнетъ,
Подпоивъ и утѣшивъ словами:
Кому рубль не додастъ, съ кого два приберетъ,
И пойдутъ бѣдняки, заливаясь слезами.

Ник. Тур.

Мысли и впечатлѣнія швеи.

(Отголоски праздника „бѣлаго цвѣтка“).

...Назойливо и однообразно стучитъ машина...

Ломитъ спину и грудь отъ непосильнаго труда, а отдыхъ далеко: такъ много еще нужно кончать работы!.. Въдѣ завтра—праздникъ „бѣлаго цвѣтка“... Всѣ, кто можетъ и кто принимаетъ участіе въ немъ, шьютъ себѣ бѣлыя платья: такъ много хорошаго, необыденнаго жгутъ всѣ отъ этого дня...

И сердце швеи забилося сильнѣе отъ чего-то непонятно радостнаго.

Можетъ быть и ей удастся провести этотъ день равно съ другими!.. Въдѣ этотъ праздникъ всеобщій, всенародный. На этомъ праздникѣ не должно быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни хозяина, ни работника, ни сильнаго, ни слабаго: всѣ должны объединиться въ одну огромную массу сестеръ и братьевъ, и каждый, опуская свою ленту въ кружку, будетъ чувствовать, что и онъ хоть одну незначительную частицу пользы приносить на общее благо...

Отъ этой мысли на душѣ работницы становится еще свѣтлѣе... Ужъ пробило двѣнадцать часовъ, а она все еще шьетъ. Шьетъ съ такой интенсивностью, съ такимъ желаніемъ не потому, чтобы кончить работу скорѣе и отдохнуть,—нѣтъ: ей хочется и угодить, и обязательно выполнить этотъ заказъ. Ей даже пріятно шить его, несмотря на сильную усталость: въ этомъ красивомъ бѣломъ нарядѣ она видитъ не простое платье обыкновеннаго будничнаго заказа, но ей чудится, что, выполняя этотъ нарядъ, предназначенный для майскаго праздника, она дѣлаетъ что-то важное... Ей не только пріятно шить это платье: она даже мысленно любитъ заказчицу, и что-то близкое, родственное шевелится въ ея груди, что-то примиряющее со всѣмъ окружающимъ ощущаетъ она... Въ этотъ моментъ она чувствуетъ себя такъ хорошо, такъ пріятно...

Но вотъ платье готово. Оно вышло на славу: удачно, красиво и богато... И бѣдная труженица, усталая и измученная восемнадцати-часовымъ трудомъ, бросается, почти не раздѣваясь, на свое бѣдное ложе...

Проснувшись на завтра поздно, швея чувствуетъ себя разбитой и почти больной. Ей дѣлается безпричинно грустно, больно и обидно: какой-то желѣзный комокъ подкатывается къ горлу и невольныя слезы текутъ по ея блѣднымъ и впалымъ щекамъ... Только бы не расхвораться!..

Собравъ свои упавшія силы и принарядившись получше, швея вышла на улицу.

Солнце свѣтило ярко и ласково, точно улыбалось, посылая всѣмъ свое благословеніе...

На улицахъ всѣ въ свѣтлыхъ нарядахъ съ зеленью въ рукахъ...

Но отчего-же на душѣ такъ грустно и такъ холодно? Куда дѣвались вчерашнія надежда и ожиданіе? Развѣ что-нибудь измѣнилось?.. День выдался хорошій... Заказъ ея удаченъ... Все кругомъ, кажется, поетъ о счастьѣ и красотѣ жизни... Что-же заставляетъ ее такъ грустить? Или это плачетъ

въ груди затаенная обида за надломленные силы?..

Мысль ея неожиданно прерывается и тонет въ звукахъ марша, привѣтствующаго появленіе праздничной процессіи.

Ахъ, какъ хорошо.. Сколько цвѣтовъ, сколько протягивающихся рукъ, улыбокъ, привѣтствій... Каждый, кто бросаетъ монету въ кружку, получаетъ бѣлый цвѣтокъ, этотъ „символъ братства“...

Швея подошла къ одной изъ продавщицъ, опускаетъ деньги, беретъ цвѣтокъ и, отойдя въ сторону, вдругъ чувствуетъ еще большую тоску, еще большую обиду. Набѣжавшее было мгновеніе радости въ началѣ праздника куда-то исчезло, какъ бы разбилось о холодныя и неискреннія сердца всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ торжественномъ шествіи...

Здѣсь не было почти ни одного искренне отдавашаго себя этому дѣлу: въ глазахъ продающихъ свѣтилось превосходство надъ неизбранными принять участіе въ продажѣ цвѣтовъ.

Ихъ нарядныя платья, гордыя надменные лица, непривѣтливо перетянутыя черезъ плечи левты,—все говорило о замаскированномъ самолюбіи, о тщеславіи и... ничуть о „братствѣ и единеніи“.

Съ горечью взглянула швея на приколотый ей цвѣтокъ и съ радостью подумала, что, оустивъ въ кружку свою тяжело доставшуюся монету, она хоть на іоту объединила себя искренне, всѣмъ сердцемъ, съ тѣми обездоленными и съ тѣми несчастными, во имя которыхъ празднуется „бѣлый цвѣтокъ“...

Однако, рядомъ съ этой мыслью возникла другая, кольнувшая сердце швеи: зачѣмъ же этотъ праздникъ устраиваютъ тѣ, которые меньше всего страдаютъ отъ этого ужаснаго бича человѣчества? Почему не мы, рабочіе, бѣдные и обездоленные, такъ рѣдко видящіе солнце и затрачивающіе всѣ силы для ихъ благополучія,—почему не мы являемся главными руководителями этого праздника?! Въдѣ и смыслъ праздника говорить не за различіе классовъ, а за братство и взаимопомощь...

О, если-бъ въ этомъ великомъ торжествѣ большинство участвующихъ были тѣ, кто больше страдаетъ и кто меньше гарантированъ отъ этой болѣзни!...

Тогда бы мы въ ихъ лицахъ встрѣтили-бъ не холодъ и не формальность, а искреннюю и радостную гордость за возможность помочь ближнему, страждущему... Въ этихъ воспаленныхъ глазахъ мы прочли-бы искреннее братство и любовь...

Съ такими щемящими душу вопросами и разочарованіемъ въ своихъ ожиданіяхъ швея вернулась домой.

А на-завтра... снова сѣрый и однообразный стукъ машины. Снова безпрерывное мельканіе иглы... Разбитая грудь, больная сица...

Впереди она уже не ждетъ ничего оживляющаго, свѣтлаго...

И злоба и обида растутъ въ ея наболѣвшей душѣ...

В. Б.

Отъ редакціи. Эта статья прислана намъ швеей изъ Маринска, которая передаетъ свои личные переживанія; печатая статью, мы сохранили стиль ея согласно рукописи автора.

Новое дѣленіе времени.

Почти во всѣхъ странахъ міра установилась привычка начинать общественную, рабочую жизнь по утрамъ сравнительно поздно и затягивать ее по вечерамъ до поздняго времени. Только въ странахъ съ преобладающею земледѣльческою культурою она производится болѣе нормально, будучи распредѣляема сравнительно равномерно между восходомъ и закатомъ солнца. Въ большинствѣ же странъ середина „дня“ далеко не совпадаетъ съ фактическимъ полуднемъ, т.-е. моментомъ, когда солнце достигаетъ высшей точки на горизонтѣ; соотвѣтственно этому и время ночного отдыха въ большихъ городахъ начинается зачастую послѣ полуночи. При такомъ распредѣленіи времени въ городахъ ежегодно затрачиваются громадныя суммы денегъ на искусственное освѣщеніе квартиръ, улицъ и мѣстъ общественныхъ собраний, между тѣмъ какъ естественный свѣтъ солнца по утрамъ, особенно въ лѣтнее время, пропадаетъ совершенно непроизводительно. Иалишне говорить о томъ

значеніи, какое имѣетъ для здоровья солнечный свѣтъ, и какъ сильно ослабляется организмъ при указанномъ ненормальномъ распредѣленіи времени.

Одинъ англичанинъ, м-р Willet, придумалъ крайне простую мѣру для того, чтобы парализовать или, по крайней мѣрѣ, ослабить вредныя послѣдствія указанной ненормальности. Для этого достаточно, по его мнѣнію, всѣмъ жителямъ данной страны или государства, по общему соглашенію, переставить въ апрѣлѣ мѣсяцъ стрѣлку часовъ впередъ на одинъ часъ, а въ сентябрѣ переводить ее на часъ назадъ. Такимъ путемъ вся общественная жизнь въ теплое солнечное время года выиграетъ бы одинъ лишній солнечный часъ въ день.

Идея Willet'a возбудила къ себѣ вниманіе и интересъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ и повлекла за собою выработку спеціальнаго соотвѣтствующаго законопроекта, разсмотрѣніе котораго въ законодательномъ порядкѣ ожидается въ недалекомъ будущемъ. Въ настоящее время нѣкоторыя промышленныя и др. предприятия обнаруживаютъ по этому поводу серьезное безпокойство, опасаясь значительныхъ убытковъ для себя въ случаѣ утвержденія этого законопроекта. Таковы, напр., общества газоваго и электрическаго освѣщенія, театры и т. п. Но эти опасенія, при всей своей основательности, конечно, не могутъ повліять на судьбу законопроекта, польза и важное общественное значеніе котораго не подлежатъ сомнѣнію.]

Кумирня въ честь дракона на „Драконовской горѣ“ въ Китаѣ.

Любопытное прошеніе.

Въ редакцію „Жало“ доставлено весьма оригинальное прошеніе желѣзнодорожнаго служащаго, которое и приводится цѣликомъ во всей его неприкосновенности.

„Его превосходительству, господину начальнику дороги. Прошеніе. Будучи штатнымъ кочегаромъ и какъ я нынѣшнею осенью два раза участвовалъ въ крушеніяхъ: первый разъ въ августѣ мѣсяцѣ съ раздробленіемъ стопы и съ пропажей пальто, а черезъ два мѣсяца опять очутился подъ обломками катастрофы, хотя и съ признаками жизни, но съ окончательной потерей всего организма. Такъ что въ нынѣшнее время я остался съ семействомъ безъ послѣдствій и проѣднаю одежду, а потому всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на мои слезы, чтобы сдѣлать мнѣ съ семействомъ резолюцію и выслать результатъ на мои имя, но не менѣе какъ 1000 рублей за здоровье и 17 рублей за пальто, потому что я на службѣ довольно терпѣлъ отъ своего начальства, и ни мнѣ, ни товарищамъ моимъ поверстныхъ денегъ не давали и экономическія за топливо всегда жулили и смазчиковъ начесть казенныхъ полушубковъ тоже обижали.

А также страдаютъ другія категоріи.

Бывшій кочегаръ покорный проситель. Петръ Маркеловъ. 7